

Звезды
НОВОЙ
ФАНТЕЗИ

Кристофер Бьюлман

**ВОР
С ЧЕРНЫМ
ЯЗЫКОМ**

АЗБУКА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

*Посвящается Дженнифер —
наконец-то, под этой и любой другой луной*

1

СИРОТСКИЙ ЛЕС

Я должен был умереть.
Хуже того, я должен был умереть вместе с этими недоносками.

Не скажу, что боюсь смерти, но тут ведь важно окружение. Как не все равно, рядом с кем ты появился на свет. Если над твоей колыбелью склонились люди в красивых шелковых одеждах, тебя ожидает совсем иная жизнь, чем того, кто, впервые открыв глаза, увидел перед собой воющего козла.

Я оглянулся на Паграна. Этот тип с вытянутой головой, длинной бородой и привычкой жевать, даже когда есть совсем нечего, и впрямь напоминал мерзкого козла. Раньше Пагран был простым крестьянином. А Фрелла, женщина в ржавой кольчуге, притаившаяся рядом с ним, была его женой.

Теперь они воры, но не такие умелые, как я. Меня учили вскрывать замки, лазить по стенам, смягчать падение, плести небылицы, чрево вещать, устраивать ловушки, а также избегать их. Я неплохо стреляю из лука, играю на скрипке и метая ножи. Знаю десяток-другой заклинаний — не великая магия, но и не бесполезная. К несчастью, я задолжал Гильдии Берущих столько денег

за обучение, что очутился здесь, в Сиротском лесу, с этими тупыми недоносками, мечтающими ограбить какого-нибудь путника. По старинке, припугнув смертью.

Удивительное дело, но разбойничать на большой дороге оказалось выгодно. Я провел в банде месяц, мы грабили плохо охраняемые фургоны, похищали отставших от хорошо охраняемых фургонов и даже продали мальчика одного из торговцев нечистым на руку солдатам, которых послали за нами в погоню. Убивать я не люблю, но готов выпустить стрелу-другую, чтобы не вляпаться в какую-нибудь срань. Так устроен мир. Я уже собрал больше половины суммы, которую должен уплатить Гильдии к месяцу жатвеню, чтобы мне не испортили татуировку. Спасибо, она и так выглядит не очень.

И вот я притаился в засаде, внимательно наблюдая за бредущей по Белому тракту одинокой фигурой. С первого взгляда на нашу будущую жертву у меня появилось дурное предчувствие. Дело даже не в том, что шла она так, как будто ей ничто не угрожало, и не в том, как раскричались вороны на деревьях. Я немного знаком с магией и сразу понял, что эта путница тоже с ней знакома. Не знаю, с какой именно, но меня словно бы озноб прошиб, как перед грозой, когда кажется, что искрится сам воздух. Что такого ценного может быть у этой женщины, чтобы добычу стоило делить на семь частей? Не говоря уж о том, что нашему вожаку причитается двойная доля, которая на деле обернется доброй половиной.

Я снова посмотрел на Паграна и покачал головой. Он выпучил на меня белки глаз. Они одни и выделялись на его лице, все остальное Пагран вымазал в грязи, оставив чистыми только кисти рук, чтобы удобнее было объясняться на пальцах. На Гоблинских войнах он усвоил

солдатский язык знаков, но тот лишь отчасти походил на воровской, который я изучал в Низшей школе. А еще у него на руке не хватало двух пальцев, и это тоже не облегчало задачу. По его знакам я решил, что у меня прохутился кошель, и проверил, на месте ли монеты, но потом понял, что Пагран спрашивает, не потерял ли я свои яйца. Так он, стало быть, в храбрости моей сомневается?

Я кивнул на путницу и показал знак магии, но сомневаюсь, чтобы Пагран понял меня правильно. Он ответил, что магия у меня за спиной. По крайней мере, так мне показалось. На самом деле Пагран сказал, чтобы я засунул магию себе в задницу. Я отвернулся от вожака шайки недоносков, вместе с которыми должен был умереть, и снова посмотрел на женщину, которая нас убьет.

Вот чуяло мое сердце.

Только колдун мог отправиться в одиночестве через Сиротский лес по Белому тракту, даже в такой приятный и теплый день позднего лета, в месяце зольне. А если не колдун, тогда пьяница, чужеземец, самоубийца или какая-то дикая смесь и того, и другого, и третьего. Эта женщина больше походила на чужеземку. Оливковая кожа и густая копна черных волос. Четко выраженные скулы — наследие старой империи — не позволяли точно определить ее возраст. Молодая, наверное лет тридцати. Невысокая, но крепкая. Такой сонный взгляд вполне подошел бы убийце, да и одета она была как на войну. На спине висел круглый щит, шею прикрывал латный воротник, и, если я не обманулся в своих догадках, под рубахой она носила легкую кольчугу.

Ее меч был чуток короче моего. Скорее всего, спадин или яйцерез, а это уже прямо выдавало в ней спантийку. Их рыцари считались лучшими конниками в мире в те

времена, когда в мире еще не перевелись кони. Теперь эти ребята полагаются на древнее кешийское искусство щита и меча, известное под названием калар-байат. Ему начинают обучать с восьми лет. Угрожать спантийцам бесполезно: если мы нападём на нее, то скорее убьем, чем запугаем. Может, Пагран решит, что дело того не стоит? На ремне чужестранки висели мешочки с монетами, но стал бы Пагран рисковать только ради этого?

Не иначе он позарился на ее щит.

Спантийка подошла ближе, и я разглядел розоватый край щита над ее плечом, а это означало, что он из родникового дерева. Во время Гоблинских войн мы так усердно вырубали эти деревья, что их почти не осталось — только в Испании уцелели последние рощицы, растущие под бдительным взором самого короля. Любого пойманного там злоумышленника тут же вздернули бы на виселице, а злоумышленника с пилой сварили бы в кипятке. Родниковое дерево славится тем, что при правильной обработке и должном уходе его древесина останется живой после любого повреждения и сама себя излечит. И пока она живая, ее невозможно сжечь.

Конечно, Пагран захотел получить этот щит. Хотя я и надеялся, что он сложит ладонь чашечкой и опустит вниз, словно тушит свечу, все равно понимал, что вместо этого наш вожак качнет большим пальцем вперед, давая сигнал к атаке. Трое покрытых шрамами громил подобралось ближе к Паграну, а за моей спиной засуетились двое лучников — суеверный сопляк по имени Нерфас, хотя все мы называли его Нервяк, поцеловал висевший на шее замызганный лисий амулет, вырезанный из оленьей кости, а его бледная пучеглазая сестра зашуршала листьями. Мне совсем не нравилось, что эти двое поклоняются тем же богам, что и я, но они тоже были гальтами, рожденными с черными языками, отличавши-

ми нас от всех прочих, а гальтские воры почитают Повелителя лис. Тут уж ничего не поделаешь.

Я вытащил стрелу с заостренным наконечником, с легкостью проскальзывающую между звеньями кольчуги, и наложил ее на тетиву.

Мы наблюдали за нашим командиром.

Он наблюдал за женщиной.

На деревьях заходились криком вороны.

Пагран качнул большим пальцем.

То, что случилось дальше, случилось очень быстро.

Я спустил тетиву первым, ощутив, как она перестала давить на пальцы и обожгла предплечье с внутренней стороны. Затем пришла согревающая душу уверенность, что выстрел был верным, — это трудно объяснить тем, кто сроду не держал лука в руках. Стрелы остальных со свистом погнались вслед за моей. Но цель уже сдвинулась с места — мгновенно присела, развернулась и как будто исчезла за щитом. И не важно, что щит был небольшим, — она сжалась за ним и сама сделалась еще меньше.

Две стрелы ударили в родниковое дерево и отскочили, а куда угодила моя, я не разглядел. Пришел черед Паграна и троих громил. Вожак поднял над головой глефу, напоминавшую огромный кухонный нож на длинной палке, Фрелла поднесла палаш к самой шее, двое других, которых мы называли просто Пика и Топор, побежали за ними. Спантийке придется выпрямиться, чтобы встретить их атаку, и тогда я проткну ей колено стрелой.

Но вдруг все перемешалось.

Я заметил какое-то движение среди деревьев по ту сторону дороги и успел подумать сразу о трех вещах:

«Из леса вылетел ворон».

«Птицы на ветках перестали орать».

«Этот ворон что-то очень большой».

Огромная птица, размером с доброго оленя, опустилась на дорогу.

Из моего горла вырвался невольный вздох.

Первая встреча с боевым корвидом — это что-то незабываемое.

Особенно если он дерется не на твоей стороне.

Птица дернула Пику за ногу, повалила на землю и ороговелым клювом растерзала ей всю спину. Я пришел в себя, перестал бессмысленно глазеть на расправу и подумал, что нужно бы пустить еще одну стрелу, но корвид уже накинулся на Топора, настоящее имя которого было Джаррил. Я говорю об этом вовсе не потому, что хорошо его знал, просто дальше с ним стряслось такое, что язык не поворачивается называть беднягу только по кличке.

Почувствовав, что корвид подбирается с фланга, Джаррил остановился и оглянулся. Но не успел он поднять топор, как птица клюнула его в то место, куда не захотел бы получить удар ни один мужчина. Тяжелый хауберк доходил ему до колен, но эти птицы способны пробить человеческий череп, и страшно даже подумать о том, что творилось у Джаррилла под кольчугой. Парню так досталось, что он рухнул на землю, не в силах даже закричать. А вот Фрелла — та орала во всю глотку. Посмотрев левее, я увидел, как над ней склонился окровавленный Пагран. Но думаю, это кровь Фреллы хлестала из чудовищной, от локтя да соска, рваной раны в подмышке с таким напором, что забрызгала их обоих, да еще и землю вокруг.

Когда спантййка повернулась в другую сторону, я успел взглянуть на ее меч, и это точно был спадин. До-

вольно острый для колющего удара и достаточно тяжелый для рубящего. Хороший клинок — может быть, лучший из всех коротких мечей. И спантийка знала, как с ним обращаться. Размытым пятном она метнулась за спину Фреллы и выбила палаш из ее руки.

Пика с разодранной в клочья спиной поднялась на четвереньки, словно ребенок, который только учится ходить. Рядом со мной Нервяк крикнул: «*Awain Baith!*» — птица смерти по-галтски, выронил лук и драпанул со всех ног. Старшая сестра пустилась вслед за ним, и я остался единственным лучником в засаде за деревьями. Выстрелить в спантийку я не мог — она закрылась от меня щитом даже в тот миг, когда отрубила Пике кисть чуть ниже запястья. Забавно, за какие мелочи порой цепляется наш разум, — приглядевшись к ее щиту, я заметил кованый стальной умбон в форме грозовой тучи с человеческим лицом, вроде тех, что изображают на краю карты.

Подобрав упавшую глефу, Пагран пытался отбиться от кружившего над ним корвида. Птица дважды клюнула в наконечник глефы, легко уклонившись от ответного выпада Паграна, и, кажется, вовсе не заметила моей стрелы, просвистевшей мимо, — эти существа движутся так непредсказуемо, что в них трудно попасть даже с двадцати шагов. Боевой корвид вцепился в наконечник глефы и дернул так, что Паграну оставалось либо выпустить оружие, либо повернуться вместе с ним. Пагран повернулся, и в то же мгновение спантийка с быстротой и грацией пантеры бросилась к нему и полоснула мечом по ноге прямо над пяткой. Наш вожак упал и свернулся в стонущий клубок. Стычка на дороге закончилась.

Срань!

Я наложил на тетиву новую стрелу, и тут спантійка и птица посмотрели на меня.

Одного лука здесь точно не хватит. У меня на ремне висел отличный боевой нож; случись драка в какой-нибудь таверне, им можно было бы выпотрошить любого, но против кольчуги он бессилен. Жуткий рондельный кинжал на ремне за спиной кольчугу пробил бы, но против меча этой женщины, не говоря уже о проклятущей птице, толку от него не больше, чем от прутика.

Они приблизились.

Опередить спантійку я бы еще смог, но птицу — никогда.

Я слегка намочил штаны, но мне не стыдно в этом признаться.

— Стрелок, — сказала женщина со спантійским акцентом, сильно нажимая на звук «р». — Выходи и помоги своим друзьям.

На самом деле они не были моими друзьями, но это не означало, что их можно оставить ранеными и покалеченными на Белом тракте, и не уверен, что они этого заслуживали. Спантійка вытащила мою стрелу из окровавленных складок в подмышке рубахи, сравнила с теми, что еще лежали у меня в колчане, и сказала:

— Хороший выстрел.

Потом вернула мне стрелу и угостила вином из бурдюка — добрым вином, густым и темным, вероятно из той же Испании. Морщась от боли, Пагран пытался подтянуть свое тело к ближайшему дереву и опереться о него. Выпить ему не предложили. Фрелле не хватило капли-другой пролитой крови, чтобы потерять сознание. Вина она также не получила, хотя и смотрела с надеждой на спантійку, пока я чулком приматывал шину к ее

раненой руке. Угостили только меня — за точный выстрел. Самый верный способ заслужить уважение спантйца — это ранить его. Таковы они все.

Кстати, о раненых. Джаррил еще не пришел в себя, и это было только к лучшему — пусть пока полежит в отключке. Оставшийся при своих не станет будить просадившего все, особенно если тот еще слишком молод, чтобы осознавать, чего лишился. Пика подобрала отрубленную кисть и умчалась в лес, как будто знала поблизости мастерскую по пришиванию рук, которая вот-вот откроется. Куда улетела птица, я не понял, во всяком случае в тот момент. Казалось, она просто исчезла. Сама спантйка пошла дальше по дороге, словно с ней ничего особенного не случилось, кроме царапины и испачканной в крови рубахи. Но кое-что все-таки случилось.

Встреча со спантйской воительницей изменила мою судьбу.

2

«ПЧЕЛА И МОНЕТА»

Тащить Фреллу и Паграну обратно в лагерь — то еще удовольствие. Паграну я вернул его глефу — опираться на нее, как на костыль. А Фреллу пришлось целую милю волочить на себе. Могло случиться и хуже, но Фрелла, по счастью, была «тощей что твоя жердь», как говорили солдаты. Мои учителя из Низшей школы наверняка загнобили бы меня за помощь этим двоим. Ясно же, что после расправы на Белом тракте нашей не очень-то славной банде придет конец, а сбежавшим лучникам, братцу с сестренкой, плевать на остальных. Они прибегут к рукам все, что у нас еще осталось, и отправятся на поиски новых приключений.

А оставались у меня только скрипка, отличный шлем, который я рассчитывал продать, и фляга гальтского виски. Я не сильно переживал из-за шлема, да и огненной воды едва хватило бы, чтобы промочить горло, но скрипка кое-что для меня значила. И рад бы сказать, что она досталась мне от деда или что-нибудь еще в том же духе, но мой дед был угрюмым шахтером и мог сыграть только на собственной заднице после миски бобов с капустой. Эту скрипку я украл. Свалил вместе с ней, пока мой приятель доказывал музыкантам в трактире, что они не

попадают в тональность. Между нами говоря, они попадали, но, черт меня побери, скрипка была чертовски хороша. Настолько, что я заплатил приятелю половину ее стоимости и не стал продавать. А теперь она, скорее всего, потеряна. Эти двое засранцев убежали с ней так далеко, что я вряд ли успею их догнать, прежде чем они сбегут ее за бесценюк.

Кадот был первым городком к западу от Сиротского леса и последним в собственно Холте, до того как попадаешь в еще более мрачные леса и просторные плоскогорья Холта северного. О размерах таких поселений можно судить по тому, сколько там стоит храмов, посвященных разным богам, и по величине этих храмов. К примеру, в деревне с единственной улицей, таким же одиноким трактиром, а на деле — просто задворками дома какого-то здешнего толстопуза и одним полудохлым волком, на котором по очереди вспахивает землю вся община, наверняка найдется церковь Всебога. Без крыши, с бревнами вместо сидений перед алтарем с салными свечами и нишей, в которой по праздникам устанавливают статуэтки других богов — смотря по тому, чей это будет праздник. Вырезают эти статуэтки из ясеня или орешника, наделяя богинь пышной грудью, а богам оставляя безобидные катышки. Исключением является Харос, которому даруют причиндалы матерого самца-оленья, потому что всем известно, как ретиво он трахает луну и той приходится прятаться за холмами, чтобы немного передохнуть.

Селения чуть покрупней, где есть даже девки, не занятые одновременно пивоварением и штопкой рубаш, должны иметь не только церковь Всебога с соломенной

крышей и бронзовым диском, вставленным в свинцовый или чугунный квадрат. Там отыщется и настоящий храм для поклонения какому-нибудь местнотимому богу, который, по мнению прихожан, меньше других гадит на воздетые к нему, исполненные надежды лица.

Кадот был таким большим, каким только может стать городок, прежде чем его признают городом. Подходящий центр торговли на подходящем перекрестке дорог, он имел церковь Всебога, увенчанную бронзовым солнцем, высоченную башню Хароса с деревянными рогами на крыше, а также с десятков храмов других божеств, рассыпанных по всей округе. Бросалось в глаза лишь отсутствие Митренора, бога моря, никого особенно не заботившего во внутренних землях, а также Запретного бога — по вполне понятным причинам.

В городке таких размеров обязательно найдется и Дом Вешателя, как называют резиденцию Гильдии Берущих. Туда мне и предстояло направиться, чтобы обсудить долг перед Гильдией. Мои похождения с маленькой, но свирепой и напористой шайкой Паграна все лето складывались неплохо, пока эта спантийка со своим вороном-убийцей не надрали нам задницу. Но теперь Нервяк и Снежные Щечки — братец и сестренка, что были нашими лучниками, но удрали, как только в заварушку ввязалась боевая птица, — обчистили меня до нитки. Мне нужны были деньги — срочно нужны, — и для начала стоило бы сыграть пару партий в «Башни».

Я знал, что найду партнеров для игры в «Пчеле и монете», потому что именно так назывались две карты в колоде для «Башен», вместе с самими «башнями», «королями» и «королевами», «солдатами», «лучниками», «саперами», «смертью», «предателями» и, конечно